

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосценимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня»	10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»	20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста)	23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монгольязычная поэзия	32
Литературоведение, фольклористика		
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов»	35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции	37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала	41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца «ёхор» у западных бурят	46
Д. Нансалма	Одежда монголов	54
Историография и источниковедение		
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана	57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности	59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана	62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве	71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова	83
Научные архивы востоковедов		
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой	87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой	102
Наши переводы		
	Из поэзии Д. Нацагдорджа	110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка	112
	Из современной монгольской прозы	114
Новости научной жизни		
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия)	120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай)	123
Обзоры и рецензии		
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы	126
	Рецензии	133
Некролог	138
Summary	140

Б. С. Дугаров

Образ Хормусты в монгольской эпической традиции

Хормуста тэнгри считается верховным божеством в мифологии монгольских народов. Его образ нашел отражение в эпосе, в том числе в Гэсэриаде. Мы не останавливаемся на бурятском улигере «Абай Гэсэр», где Хормуста представлен полноправным эпическим персонажем, особенно в унгинской версии. В данной статье преследуется цель проследить интерпретацию образа Хормусты в эпической традиции монгольских народов.

Безусловно, общемонгольская мифологическая основа пролога бурятской Гэсэриады проявляется в мифах о тэнгриях Хормусте, Атай Улане, Белодонном (*Оёор Саган*) и Белошовном (*Оёдол Саган*) небожителях [1: 4]. Наиболее древние мифологические сюжеты о мире небожителей, по всей вероятности, восходят к общему аксиологическому фонду монгольских народов. В этом мнении сходятся многие гэсэроведы (А. И. Уланов, М. П. Хомонов, Н. О. Шаракшинова, Ц. Дамдинсурэн, Л. Лёринц и др.), справедливо полагавшие, что фольклорно-мифологические истоки эпического мира бурят и монголов едины, являются их общим, искони им присущим наследием, исходящим из их общего этногенеза, общемонгольского языкового и этнокультурного единства.

Не случайно первым в сонме небожителей упоминается Хормуста, так как именно это божество является знаковым персонажем в монгольской Гэсэриаде. В ее прологе упоминаются тридцать три тэнгрия во главе с Хормустой. Он же возглавляет совет богов, который собирается в его небесном дворце для принятия особо важных решений. Хормуста, так же как в бурятском эпосе, имеет трех сыновей-небожителей. Памятуя о наказе Будды, глава пантеона богов обращается к ним с предложением спуститься в мир людей для устранения смуты на земле, но никто из сыновей не соглашается на этот шаг. Наконец, при вторичном обращении, исполнить волю отца берется средний сын Уйле Бутугегчи («Делоисполнитель») — будущий Гэсэр. Хормуста по его просьбе дает ему свое воинское одеяние, оружие и боевого

коня, а в помощники определяет трех сестер-хубилганов и одного из тэнгриев в качестве старшего брата. Также верховный небожитель отправляет для поддержки сына богатырскую дружину, состоящую из сыновей тэнгриев.

Как явствует из содержания, роль Хормусты как небесного отца эпического героя очерчена достаточно четко в эпизоде, связанном с выбором посланника тэнгриев для оказания помощи бедствующим людям. В этом отношении пролог монгольской Гэсэриады идентичен бурятскому по сюжетной линии, но заметно уступает последнему в разработке персонажного ряда небожителей. Так, упомянутые тридцать три тэнгрия выглядят статистами на совете, хотя и принимают под главенством Хормусты «коллективное» решение отправить одного из его сыновей для исполнения божественной миссии. Для сравнения отметим, что в бурятских вариантах небесного совета проявляется иерархия тэнгристских божеств, в которой Хормуста занимает третью позицию — после старейшины небожителей Эсэгэ Малан тэнгри и прародительницы богов Манзан Гурмэ, к которой в ряде важных случаев он и обращается за советом.

В общемонгольской мифологии Хормуста, по всей вероятности, персонаж заимствованный, что выявляется на бурятском материале, сохранившем добуддийские традиционные представления. В целом следы народной мифологии при ламской редакции эпоса о Гэсэре затухают настолько, что нет возможности реконструировать первоначальный персонажный ряд монгольского пролога, который сохранился в бурятской Гэсэриаде с ее дуалистическим противопоставлением западных и восточных божеств. Под влиянием индо-буддийской мифологии вместо прежних 99 божеств появляются 33 тэнгрия во главе с Хормустой, функционально соответствующим верховному божеству северобуддийского пантеона — Индре [3: 217]. Небо же метафорически именуется «страной Хормусты», что указывает на установившуюся монолатрию данного божества в фольклорно-мифологической традиции монголов. Подобная картина прослеживается и в Джангариаде,

где в описании небесного мира упоминается Хормуста с аналогичным количеством тэнгриев, подчиненных ему [4: 341].

Тем не менее, по верному замечанию Козина [5: 224], в сказании о Гэсэре отразилось прежнее религиозное сознание монгольских кочевников, проявившееся «в интимнейших и глубоких симпатиях творцов этого эпического цикла к шаманской натурфилософии» [5: 227]. Так, например, наряду с Хормустой упоминаются небесная прародительница Абса-Хурце (аналог Манзан Гурмэ) и горный владыка Оа-Гунчид, которым как своим гениям-хранителям Гэсэр совершает обряд жертвоприношения. Знаковым представляется и упоминание древнемонгольской диады божеств — Вечного Синего неба (*Хухэ Мунхэ тэнгри*) и Матери-земли (*Этугэн Эхэ*), свидетельствующее о мифологической архаике в содержании монгольской Гэсэриады.

При сравнении всех существующих версий монгольского эпоса о Гэсэре выявляется, что Хормуста как эпический персонаж фигурирует во вступительной части Гэсэриады, именуемой прологом. В основном нарративном корпусе он фактически отсутствует, за исключением некоторых фрагментов в эпическом тексте. Так, он принимает участие в оживлении баторов Гэсэра с помощью волшебной небесной воды (заинская, ордосская и синьцзян-ойратская версии), в эпизоде о превращении Гэсэра в осла Хормуста возвращает герою прежний облик, омыв его священной ритуальной влагой (в данном случае он явно подменяет функции жены Гэсэра — Аллу (вар. Анну) Мэргэн). Последний эпизод встречается только в малоизвестном варианте Гэсэриады, обнаруженном в монастыре Лун Пу ши. Также небезынтересно упоминание имени Хормусты в главе о похождениях Гэсэра в аду в поисках души своей матери, которую он с целью ее спасения отправляет из царства Эрликхана в страну небес к самому Хормусте — владыке Верхнего мира (ордосская и синьцзян-ойратская версии) [8: 101, 102, 130, 147, 149, 182, 187].

Если в монгольской Гэсэриаде образ Хормусты высвечивается в основном по линии его отцовской связи с Гэсэром как героем одноименного произведения, причем последний в некоторых текстах подчеркнута именуется «сыном Хормусты из всевышнего края тэнгриев» [9: 134], то принципиально иную семантическую нагрузку этот верховный небожитель несет в восточномонгольском (хорчинском) «Сказании о кальпе» («*Галвын улгэр*»), занимающем особое место в устной эпической традиции монгольских народов [10]. Этот самобытный нарративный памятник сближает с бурятской Гэсэриадой и ее прологом ряд выразительных сюжетно-тематических совпадений, особенно в мифологическом дискурсе. В «Сказании о кальпе» Хормуста (в тексте Хан Хурмаст) представлен как глава пантеона, состоящего из девяти тэнгриев. В данной эннеаде содержится намек на число 99 как кратное девяти, обозначающее сакральное количество тэнгриев в шаманистском пантеоне и являющееся нумерологическим обозначени-

ем неба. Стало быть, теологическое реноме Хормусты сливается с понятием главного бога неба, что выражается в термине *дээд тэнгэр* 'высший (или всевышний) тэнгри', применяемом в тексте по отношению к этому верховному небожителю.

Поэтому именно к Хормусте адресована просьба людей помочь им избавиться от злокозненных монстров-мангусов. Данный момент, являющийся общим местом в Гэсэриаде, в хорчинском сказании отличается своеобразием, проясняющим иерархические взаимоотношения в мире тэнгриев. Выясняется, что старейшие (судя по их теонимам) небожители Хадарган Хар Буман и Суунаг Цаган не подчиняются приказу Хормусты об оказании помощи людям, пока он сам лично не показывает пример, отправив на землю двух своих дочерей — дев-богинь (*охин тэнгри*). По всей вероятности, в этом эпизоде сквозит намек на позднее явление Хормусты и еще не утвердившееся его безоговорочное главенство в сообществе небесных богов.

Тем не менее Хормуста в рассматриваемом нами эпосе предстает как главный покровитель эпических героев. Так, он особо покровительствует одной из своих дочерей, переродившейся в стране мангусов, но ведущей с ними борьбу. Обряд поклонения верховному тэнгрию с мольбой о помощи совершает Хайчин Хар батор — богатырь из страны Тив Дархи. Благодаря Хормусте он спасает Сэнлуна — будущего отца Гэсэра. Подобная функция божества-покровителя характерна для бурятского эпоса, где многие тэнгрии оказывают предстательство эпическим героям.

В целом образ Хормусты показан во взаимодействии с персонажами шаманистского пантеона, несколько деформированного буддийским влиянием, но сохранившего свое изначальное ядро. Это теологическое своеобразие хорчинского сказания во многом исходит от шаманской мифологии, сохранившейся в Восточной Монголии среди хорчинов, откуда происходит родом сказитель Б. Чунраа, от которого был записан данный эпический текст. Показательно, что в обрядовых инвокациях прежде всего упоминается Хан Хормуста, именуемый Эчигэ Хормуста ('Отец Хормуста'). В качестве ведущих божеств фигурируют также и Хадарган тэнгри, Охин тэнгри, Галзуу тэнгри, отмеченные в прологе «Сказания о кальпе».

Особый интерес представляют отношения Хан Хормусты и Будды как мифологического персонажа в прологе монгольской Гэсэриады. Напомним, что второй из них упоминается в бурятской Гэсэриаде (вар. П. Петрова) под именами Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан, Шэбгэни гурбан бурхан и Шэбэгли бурхан (фонетические вариации Шигэмуни — монгольского варианта санскритского Шакьямуни, или Будды) в призываниях к западным небожителям наряду с Хормустой. В некоторых унгинских вариантах пролога данное божество напоминает его позицию в прологе монгольской Гэсэриады. Так, в варианте Б. Жатухаева называется пантеон западных тридцати трех тэнгриев (вместо традиционных пятидесяти пяти) во главе с Хан Хормустой (в тексте Хан Тюрмас),

а в одном из эпизодов последний молится Будде. Данные примеры скорее всего являются в бурятской устной традиции исключением, но тем не менее они свидетельствуют о некотором влиянии монгольской книжной Гэсэриады на трактовку образа Хормусты сказителями Приангарья.

В монгольской Гэсэриаде Хормуста признается как верховный небожитель, небесный отец эпического героя. Он и отправляет своего сына на землю для устранения смуты в мире людей, но совершает это не сам, как в бурятской Гэсэриаде, а по повелению Будды Шакьямуни. Такая перестановка ролей была осуществлена ламами с тем, чтобы придать фавле более приемлемую с их точки зрения идеологическую направленность. Получалось, что Гэсэр, несмотря на свое непочтение к жрецам буддизма, является все-таки исполнителем воли будды [6: 9]. Хормуста в данном случае выказывает свою зависимость от Шакьямуни, хотя по сюжету видно, что глава тэнгриев не был сильно озабочен предсказанием Будды о наступлении плохих времен, пока не обвалился угол его небесного чертога, напомнивший ему о миссии по спасению земного мира.

В заинской версии образ Хормусты подвергается значительной ламаистской обработке. В прологе Хормуста совершает обряд поклонения Будде, трижды обойдя его статую и девять раз помолившись ей. В отличие от пекинского пролога, Шакьямуни повелевает Хормусте чуть ли не самому отправляться на землю для освобождения живых существ от страданий (предложение выдержано явно в буддийском духе). Разрушение же дворца Хормусты, которое объясняется в пекинской версии возможными происками асуриев, в заинской мотивируется тем, что произошло нарушение Закона Будды. Подобного рода «ламские коррективы», характерные для наиболее известных монгольских версий Гэсэриады — пекинской и заинской, безусловно, более позднее явление в эпической интерпретации образа Хан Хормусты, следствие дискредитации шаманистских божеств в монгольской мифологии.

Иной характер носят взаимоотношения между Хормустой и Буддой в «Сказании о кальпе», где последний фигурирует под именем Шагжамуни. В функции божества-покровителя он в ряде случаев явно подменяет Хан Хормусту, чья роль, таким образом, несколько принижается. Тем не менее в иерархическом отношении Хормуста стоит выше Шагжамуни, о чем свидетельствует следующий эпизод. При созерцании земных бед и людских страданий Шагжамуни сообщает об этом главе небесных тэнгриев. Хормуста, видя его обеспокоенность, уверяет, что придет срок, когда земные и небесные баторы, подчиненные ему, уничтожат всех мангусов, причиняющих зло жителям земли. Этот эпизод примечателен тем, что рисует совершенно иную ситуацию по сравнению с письменными версиями Гэсэриады, где Хормуста приходит на поклон Будде и тот дает ему наказ отправить одного из его сыновей на землю для защиты человеческого рода.

Следует подчеркнуть, что Хан Хормуста упоминается в роли отца-небожителя и покровителя эпического героя в ряде других монгольских эпических произведений («Тушибалту багатур», «Песнь о рождении Гилбан Шар» и др.). Так, в дэрбэтском (западномонгольском) нарративе герой по имени Ирин-Сайн-Гунын-Настай-Мекеле, рожденный от отца в возрасте 999 лет и матери в возрасте 886 лет «по воле живущего вверху Гучин-Гурбу-Гурбустен-Тен-Грина» (Хан Хормусты) в критической ситуации неизменно обращается за помощью к своему небесному покровителю, который по его просьбе уничтожает молнией отродье Мангуса — двенадцать шулмусов, заключенных на дне черного ада. Пускает верховный тэнгри свою смертоносную огненную стрелу и «в Мангусову лошадь» по настоянию богатырского коня Хангила, вознесшегося с такой просьбой на небо к Хан Хормусте [7: 460—461].

В целом для монгольской фольклорно-мифологической традиции характерен концепт героя — сына неба, который реализуется в особом цикле сказаний, включая Гэсэриаду. В них Хормуста является олицетворением Неба и его персонафикацией. Соответственно, он представлен «довольно хорошо очерченной фигурой» и в мифологии монгольского шаманизма [2: 22], что нашло свою эпическую интерпретацию в рассмотренных выше произведениях.

Таким образом, Хан Хормуста как теологический персонаж представлен во многих эпических произведениях монгольских народов. Характеристика его образа в Гэсэриаде обладает устойчивым набором компонентов, которые варьируются в различных версиях этого сказания в зависимости от особенностей этнокультурной традиции того или иного региона монголоязычного мира. Рельефно выраженные фольклорные черты верховного божества-всадника в устной бурятской Гэсэриаде утрачиваются в письменной монгольской, где изображение Хормусты находится под очевидным влиянием индубуддийской уранической традиции, что выражается в форме *траястринса* — тридцати трех богов, пребывающих на вершине горы Меру (монг. *Сүмбэр уул* — 'Олимп монгольских богов'). На это мифологическое клише в прологе монгольской Гэсэриады налагается мотив верховенства Будды в мире небожителей, выражающийся в его повелении Хормусте направить своего сына — будущего Гэсэра для исполнения демоноборческой миссии на земле. Данное обстоятельство свидетельствует об определенной деформации образа Хормусты в сравнении с его традиционным статусом главы небесного пантеона в бурятской Гэсэриаде и близком ей по своим мифологическим параметрам восточномонгольском «Сказании о кальпе». Именно эти два произведения определяют подлинные контуры эпического образа Хормусты и вместе с тем указывают на его стадиально позднюю адаптацию в мифологии и эпосе монгольских народов.

Литература

1. *Абай Гэсэр*. Улан-Удэ, 1960.
2. *Владимирцов Б. Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Л., 1927.
3. Гэсэр. Улаанбаатар, 1986.
4. Джангар. М., 1990.
5. *Козин С. А.* Гесериада. М.; Л. 1935.
6. *Поппе Н. Н.* Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Зап. Бурят-монгольского ГИЯЛИ. Вып. 5—6. Улан-Удэ, 1941.
7. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
8. *Сэцэнмунх У.* Исследование письменного монгольского эпоса о Гэсэре. СПб., 2004.
9. *Хундаева Е. О.* Бурятский эпос о Гэсэре. Улан-Удэ, 1999.
10. *Dulam S., Vasek J.* A Mongolian Mythological Text. Praha, 1983.